

Часть первая

НАЧАЛО ДАЛЕКИХ ПУТЕЙ

— Почему он раздарил все свои владения? — с тоской в заплаканных глазах сказала Ланика. — Или сердце говорит ему, что он больше не вернется в Македонию? Все раздарил друзьям — земли свои, города... Ну все, что у него было!

Олимпиада ответила, не оборачиваясь:

— На что Александру жалкие богатства Македонии, если он возьмет все сокровища мира?

Ланика, кормилица царя, и царица Олимпиада, мать царя, стояли у бойницы дворцовой башни и глядели, как уходило из Пеллы македонское войско. Оно уже вышло из городских ворот и теперь двигалось по широкой равнине, окружающей Пеллу. И женщины видели, как далеко, во главе конницы, светятся два белых пера на шлеме полководца.

— Хорошо, что нашлись люди с совестью, отказались взять последнее у своего царя, — продолжала Ланика. — «А что же ты себе оставляешь, царь?» А царь ответил так гордо, так красиво: «А себе я оставляю надежды!» Тут, видно, друзьям стало совестно. «Ну и мы, твои соратники, возьмем долю в твоих надеждах!» И начали отказываться от его даров. Гефестион отказался, Неарх, Эригий... Но куда больше было просящих и получающих!

— Пусть просят и пусть получают, — холодно возразила Олимпиада, — верность друзей стоит того, чтобы подкрепить ее золотом. Александр это понимает.

Олимпиада немало лет прожила со своим мужем, царем Филиппом, который считал, что ни один вражеский город не устоит, если в его ворота войдет осел, груженный золотом. И в бескорыстную дружбу она тоже не верила.

Войско удалялось быстро, исчезая в желтом тумане пыли.

Вот уже конница вступила в горный проход. Скрылась и пехота. И обозы утянулись за холмы. Вот уже и нет никого. Нет никого. Только пыль медленно оседает вдали.

Ланика опустила голову, закрывшись покрывалом.

Олимпиада, с побледневшим лицом, крепко сжав губы, медленно сошла вниз.

Во дворце, в небольшом мегароне царицы, ее ждали знатные македонянки, жены ушедших с Александром полководцев, сестры и матери его молодых этеров — друзей. Олимпиада — царица, но ведь и она — мать, сын которой отправился в далекий и опасный поход. И только богам известно, кто вернется из этого похода!

Олимпиада остановилась перед ними. Черные глаза ее были усталыми и надменными.

— Я вижу печаль на ваших лицах. Почему? Царь Македонский повел македонян на великие подвиги, он повел их за славой, за богатством, за новыми землями. Царь Александр, а с ним и Македония станут властвовать над всей Элладой и над всеми эллинскими городами в Азии! Он выполнит то, что не успел сделать царь Филипп. Может, это вас и печалит?

Лишь одна старая женщина из рода линкестийцев, македонской знати, рода гордого и строптивого, осмелилась ответить Олимпиаде:

— Война — не пир и не праздник. А дети наши — смертны.

— Смертны? — Олимпиада еле взглянула на нее. — Смертно тело. Но слава бессмертна. Не о гибели наших детей нужно думать, а об их славе. Пусть плачут те, чьи дети гибнут бесславно!

Движением руки Олимпиада приказала им удалиться.

— Счастье тем, кто может думать о славе, — прошептала линкестийка, метнув на Олимпиаду взгляд, полный ненависти, — а что делать мне, чьи сыновья погублены злодейски и бесславно?

Двое сыновей ее казнены в тот день, когда был убит царь Филипп: их обвинили в заговоре. Третий еще жив — Александр-Линкестиец в армии царя, в коннице царских этеров. Сколько осталось жить ее последнему сыну? Царь Александр, сын Филиппа, простил его. Может быть, за то, что тот прибежал и первым назвал Александра царем Македонским. Может быть, поверил его слезам и клятвам в верности. Но разве простит когда-нибудь Олимпиада и разве поверит когда-нибудь, что Линкестиец станет искренним другом ее сыну, сыну Филиппа?

Линкестийка прижала руку к сердцу, которое сильно болело в эту минуту, и пошла, склонив голову, из царских покоев. Другом сына Филиппа? Да тогда она сама проклянет своего сына и призовет гнев богов на его голову, если он станет другом сыну Филиппа, другом царю, ради которого казнили его братьев, ее двоих сыновей. Ведь линкестийцы считали, что они тоже имели право на македонский престол!

Женщины тихо ушли из царского дворца. Большой двор, вымощенный плитами, опустел. На алтаре в углу двора, где сегодня приносили жертву, дотлевали подернутые голубым пеплом угли. Только стража

стояла, как всегда, на стенах крепости. Да из большого царского мегарона, что на мужской половине, глухо доносились молодые голоса знатных юношей, оставленных царем для охраны дворца. Этого потребовала Олимпиада — она боялась.

Она боялась линкестийцев, оставшихся в живых после жестокой расправы. Она знала, что в их горных замках Верхней Македонии затаились месть и ненависть.

Она боялась родственников полководца Аттала, которого убили, опасаясь, что он помешает провозгласить Александра царем. Боялась и родственников Клеопатры, на которой незадолго до смерти женился царь Филипп, отстранив Олимпиаду. Олимпиада, ненавидевшая Клеопатру, принудила ее покончить с собой.

Тени погибших не тревожили Олимпиаду. Ее тревожило, что еще много врагов осталось в живых. Она шла сейчас из зала в зал, из комнаты в комнату — трудно было сидеть в гинекее. Трудно и заниматься повседневными делами хозяйки, госпожи большого богатого дома, где много слуг, рабов и старых родственников... Пусть все идет как идет. Ланика присматривает за порядком во дворце. А ей, Олимпиаде, надо навести порядок в своих мыслях и чувствах. Трудно провожать на войну сына. Не впервые она провожает его — и все-таки каждый раз трудно.

«Ну-ну, — ободряла она себя, — он — потомок эфирских и македонских царей, потомок Геракла и Ахиллеса. Пусть идет, пусть побеждает. Разве даром у нас на крыше сидели два орла, когда он родился?.. Все понимаю, все понимаю, — спорила она сама с собой, — и все-таки трудно, трудно».

Послышались тихие шаги. У входа стояла Ланика.
— Войди.

Олимпиада только Ланику могла выносить сейчас, только ее доброе присутствие помогало пережить эти тяжелые часы. К тому же можно было и позлословить и пожаловаться — Ланика никому не выдаст ее.

— Зачем он оставил правителем Македонии Антипатра? Я бы и сама справилась с делами. Не проходит дня, когда бы этот старый грубиян не дал мне почувствовать свое недоброжелательство. Еще бы! Он был бы рад возвести на царство своего зятя, Александра-Линкестийца, которого мой сын помиловал. И напрасно помиловал!

— Но Антипатр, когда спорили из-за царства, отстаивал Александра, сына Филиппа, а не Линкестийца, — мягко возразила Ланика. — Если бы не Антипатр и не старик Парменион, еще неизвестно, чем бы окончилась смута, которая была тогда.

— А я? Я, по-твоему, сидела и молчала?

Ланика затаила горькую усмешку. Нет, ее госпожа не сидела бездеятельно и не молчала. Много людей умерло тогда именно потому, что она не молчала, а требовала их смерти.

— Теперь будут говорить, — продолжала Олимпиада, — что Антипатр да еще Парменион сделали царем Александра. Но они отстаивали его только потому, что Александр — законный наследник. Кому же это было не ясно? Кстати, и я Пармениону не очень-то доверяла бы. Такое огромное войско у него в руках!

— Он позволил убить Атгала, госпожа, — напомнила Ланика, — а ведь Атгал был его зятем.

— Как ты спокойна! — закричала Олимпиада. — Конечно, ведь Александр тебе не сын. Если бы он был твоим сыном...

— Я бы каждую минуту благодарила богов, что у меня такой сын. Я боялась бы только одного — как бы Гера не позавидовала мне!

НА ЗЕМЛЕ ИЛИОНА

Когда-то у Афананта, Эолова сына¹, рассказывает легенда, была жена, нежная Нефела — Облако. У них были дети: мальчик Фрикс — Дождик, и девочка Гелла — Солнечный свет.

Нефела умерла, ушла в мир богов. А вторая жена Афананта, мрачная финикийка Ино, невзлюбила детей. Она мучила их, истязала и все придумывала: как бы избавиться от них?

Однажды случилось так, что боги разгневались на людей и наслали на землю долгую страшную засуху.

И вот Ино, чтобы умиловить богов, решила принести им в жертву мальчика Фрикса.

Но мать спасла Фрикса. Нефела явилась к детям и привела с собой златорунного барана. Она посадила детей на этого барана, и баран умчал их от злой мачехи. Он скакал по лесам и долинам, через горы и ущелья. Прибежав к морю, он бросился в воду и поплыл. Фрикс крепко держался за его изогнутые рога, а Гелла в страхе хваталась за брата.

Эгейское море они переплыли. А в проливе поднялись высокие бурные волны. Гелла испугалась, руки ее разжались, она свалилась с золотого барана и уто-

---

¹ Эол — бог ветров.

нула. И только имя ее осталось, дав название проливу — Геллеспонт¹, путь Геллы.

На берегу Геллеспонта царь Македонский Александр ныне ставил алтари и приносил жертвы богам, готовясь переправиться через пролив на азиатскую землю. Настал день, которого Александр ждал с тех самых пор, как начал понимать, что такое завоевание, победы, слава. Рассказов об этом он наслушался с самого раннего детства в обширном, всегда многолюдном и шумном мегароне своего отца, воинственного царя Филиппа. Еще мальчишкой, услышав о новом завоевании царя, он восклицал с искренней досадой:

— Клянусь Зевсом! Отец завоюет все, и мне не удастся свершить ничего великого!

А великое в его понятии заключалось только в одном — в военных победах.

Отец Александра, царь Филипп, подготовил этот поход в персидские земли. Персия владела огромными пространствами азиатских земель: она раскинулась от берегов Геллеспонта и Срединного моря² до самых Индийских гор. В Египте и Вавилоне сидели персидские наместники — сатрапы, управляя именем персидского царя...

А в Македонии, маленькой стране среди гор, издавна поселились бедность и нищета. Эллинские города-государства постоянно вынуждены покупать хлеб, который привозят к ним из чужих стран, — у себя, на камнях, хлеба не вырастишь.

Свои дерзкие замыслы — перейти Геллеспонт и захватить побережье — царь Филипп начал выполнять с присущей ему неукротимой энергией. Он добился главного командования над объединенными войсками — македонским войском и войском эллинских го-

---

¹ *Геллеспонт* — Дарданеллы.

² *Срединное море* — Средиземное море.

родов-государств. Он убедил эллинов, что идет освободить эллинские колонии, поселившиеся на приморском берегу, от персидской зависимости и наказать персов за то, что они когда-то вторглись в Элладу и разорили эллинские святыни.

Тайные мысли Филиппа были иными. Он захватит азиатский берег, прогонит персов из эллинских колоний и будет царствовать до конца своей жизни и над Македонией, и над Элладой, и над ее колониями...

Но мир обширен, а жизнь человеческая коротка. И особенно коротка, когда обрывается так трагически, так внезапно, как оборвалась она у царя Филиппа. Кинжал убийцы настиг его на самом пороге свершения его замыслов. Уже и войска были готовы, и авангард во главе с полководцами Атталом и Парменионом, переправшись через Геллеспонт, стоял на азиатском берегу...

А Филипп остался под высоким могильным холмом в старом городе Эги, где уже многие годы хоронили македонских царей.

Теперь завоевывать Азию идет Александр, сын Филиппа.

Войско через Геллеспонт переправлял старый, опытный полководец Парменион, верный соратник царя Филиппа. Суда шли немного наискось, сопротивляясь течению, — черные многovesельные военные корабли, всевозможные торговые суда, захваченные для переправы войска, плоскодонные лодки... Будто стая больших медленных птиц переплывала Геллеспонт по направлению к Абидосу. Парменион предусмотрительно удержал за собой этот прибрежный город, когда уходил из Азии, узнав о смерти Филиппа. И теперь сильный македонский гарнизон стоит в Абидосе, обеспечивая войскам Александра безопасную переправу.

Царская триера шла впереди. Александр сам стоял у руля. Он был в полном боевом снаряжении — в доспехах, в шлеме, в бронзовых поножах, надежно защи-

щающих ноги. Рядом, прислоненное к борту, светилось синим блеском железное жало его тяжелого копья.

Этеры царя стояли за его спиной. Многие были его сверстниками, друзьями детства — Гефестион, Лаомедонт, брат его Эригий, Гарпал, критянин Неарх, Филола, сын Пармениона, и второй сын Пармениона — Никанор, и третий сын Пармениона, юный Гектор, который следовал за царем в числе его личной свиты.

Здесь же, на царском корабле, были и его телохранители — Леоннат, Лисимах, Фердикка, Птолемей, сын Лага... Были и многие старые военачальники царя Филиппа, уже не раз ходившие в сражение вместе с молодым царем. И среди них брат Ланики — Клит, по прозвищу Черный. Он был старше царя, он знал Александра еще совсем мальчиком, когда тот впервые пришел в отцовский мегарон. А для старших младшие навсегда остаются маленькими, требующими защиты, разумного совета, а порой и поучения. Кто же, как не Клит, брат царской кормилицы, возьмет на себя такую смелость указать царю на его ошибки, если они случатся? Кто же, как не Клит, обязан, хотя бы и ценой собственной жизни, защищать царя, если понадобится? Готовый ко всем грядущим опасностям и трудным испытаниям, Черный Клит сейчас не думал о них — походы не бывают легкими.

В свите царя было много знатных и образованных людей Эллады — писатели, философы, ученые. Здесь был историк Аристокбул, призванный описывать сражения и победы македонского царя, — Александр, одержимый честолюбием, очень заботился о том, чтобы оставить память о себе и своих делах. Здесь был Евмен, эллин из Кардии, преданный царскому дому человек, которого Александр сделал начальником своей походной канцелярии и поручил ему вести подробный дневник похода. Когда-то Филипп, будучи в Кардии, увидел Евмена на стадионе, заметил его красоту,

необыкновенную силу и ловкость в состязаниях. Евмен был сыном простолюдина, флейтиста, который зарабатывал на жизнь, играя на флейте на похоронах. Но Евмен был грамотен, умел читать и считать, знал «Илиаду» и «Одиссею». И Филипп, не раздумывая, увез его к себе в Пеллу. Евмен верно служил царю Филиппу, а теперь так же верно нес свою службу у царя Александра. Поэты, актеры, певцы, музыканты следовали за царем. Александр, воспитанный Аристотелем, любил и музыку, и поэзию, и хороших певцов. В личных вещах царя хранились свитки известных трагедий и ученых трактатов. И среди них ценимая им, как драгоценность, «Илиада» Гомера.

Тут же, среди блестящей толпы царских друзей, вельмож царской свиты, стоял молчаливый Александр-Линкестиец — всегда при царе, всегда около царя, всегда под внимательным, наблюдающим взглядом царя. Это было тяжело, как рабство, как плен. Но что же делать ему, человеку, братья которого казнены на могиле Филиппа, обвиненные в его убийстве?

Смутно зеленеющий берег Азии медленно приближался, волнua неизвестностью. За бортом плескалась беспокойная сверкающая вода. И чем ближе подступал этот берег, тем задумчивее становились военачальники царя. Они идут со своим очень небольшим войском воевать с персами. Что такое их тридцать две тысячи пеших и пять тысяч конных воинов по сравнению с неисчислимыми полчищами персидского царя? Когда Ксеркс в былые времена проходил через Македонию, его войска выпивали досуха целые реки!

Словно угадывая, о чем думают его этеры, Александр, желая ободрить их, сказал:

— Удивляюсь персам. Посмотрите, друзья, как глупо они распорядились. Оставили пролив незащищенным и позволили нам переправиться без всяких препятствий!

— Полководец Парменион знал, что делал, когда ставил гарнизон в Абидосе, — негромко возразил Филота, сын Пармениона.

Александр услышал его.

— Полководец Парменион поступил правильно. Однако персы должны были защищать свой берег. Ведь у них четыреста боевых кораблей! Что бы им стоило загородить нам путь?

Критянин Неарх, родившийся в семье моряков и корабельщиков, любил корабли и знал в них толк.

— Четыреста! — вздохнул он. — Финикийских! А у нас всего сто шестьдесят.

— И даже не финикийских, — добавил Александр.

— В казне, кажется, тоже негусто, — проворчал Черный Клиг, — я слышал, всего семьдесят талантов...

— Именно так, — уточнил Александр, — и, кроме того, тысяча триста талантов долгу.

Филота задумчиво поглядел на него:

— И ты, царь, все-таки думаешь победить?

Этот вопрос удивил Александра.

— Мы идем не за поражениями, — ответил он, — иначе, клянусь Зевсом, зачем нам было бы переходить Геллеспонт?

— Кто был с Александром при Херонее, тот не должен спрашивать, победим ли мы, — сказал Гефестион, гневно взглянув на Филоту.

Филота выдержал его взгляд и с пренебрежением отвернулся, успев заметить, как Гефестион покраснел от обиды. Ага, понял-таки, что сын Пармениона не собирается трепетать перед ним.

Филота чувствовал, что Гефестион враждебен ему. За что? За то, что отец Филоты Парменион оказал Александру такую услугу, о которой Александр не имеет права забыть? Ведь Парменион, когда умер Филипп и вокруг царского престола шла кровавая борьба, имен-

но Парменион помогал Александру захватить царскую власть. Или за то, что Александр доверил Филоте конницу? Но Филота доказал в свое время — хотя бы в Фивах! — свою верность Александру и стойкость на полях битвы. Он заслужил и свой чин, и свою власть, и свои почести. Неплохо было бы самому Гефестиону так же потрудиться, чтобы заслужить ту безоглядную любовь, которой Александр награждает его!

— Я не думаю о поражениях, — спокойно, собрав всю свою выдержку, сказал Филота, — просто я слышал, что военачальники встревожены, боятся потерять армию.

— Пусть не тревожатся, — ответил Александр, попрежнему уверенный и невозмутимый, — армией командую я. А я ее не потеряю.

На середине пролива Александр остановил свой корабль. Остановилась и вся флотилия, шедшая вслед за царской триерой. И здесь, посреди залива, царь принес жертву богу морей Посейдону. Жрец Аристандр, который и прежде сопровождал царя в походах, все приготовил для торжественной церемонии. Он вышел на палубу в белой одежде, в зеленом венке на седеющих кудрях, произнес положенные молитвы. На палубу вывели молодого быка с гирляндами цветов на золоченых рогах. Бык, чуя недоброе, ревел и упирался, выкатив огромные глаза.

Александр, зная, что сейчас на него глядят со всех кораблей, помолился богам и одним ударом кинжала свалил быка. Потом принял из рук Аристандра золотую чашу с вином. Медленно, высоко подняв чашу, он наклонил ее и вылил вино в синюю воду пролива — совершил возлияние богу Посейдону. И когда последняя янтарная капля сорвалась с золотого края, бросил в воду и чашу.

Теперь можно было спокойно продолжать свой путь. Царская триера, всплеснув веслами, понеслась

к берегу, флотилия тронулась следом. Войско видело, как приносил жертву богам их царь и полководец. Это успокаивало, давало уверенность, что боги позволят им благополучно достигнуть земли и высадиться на берег. У Посейдона опасный характер. Когда-то в этом самом месте персидский царь Ксеркс пытался построить мост. И построил. Положено было много трудов, мучений и человеческих жизней на эту постройку. А когда мост был готов, Посейдон вызвал бурю и в одно мгновение разметал его.

Берег надвигался. Мягко рисовалась на светлом небе горная цепь Иды с ее извилистой линией вершин и склонов. Эта гряда гор стояла над равниной древнего Илиона, где когда-то поднимала свои могучие стены богатая Троя. Глаза Александра влажно светились от волнения — он приближался к священной земле Троицы. Здесь, на этой равнине, сражались ахейцы¹, здесь разил врага Ахиллес, сын Пелея, его предок, предок его матери, происходившей из рода богов.

...Я родился от Пелея, Эакова сына,
Владыки многих племен мирмидонских².
Эак же родился от Зевса.

Эти строки Гомера Александр знал с детства и теперь, волнуясь, тихо повторял их. Древние легенды для него не были легендами. Об этом в его раннем детстве пела и рассказывала Александру мать...

Триера быстро шла под мерные всплески весел. На берегу, среди свежей весенней зелени, понемногу начали проступать красные и желтые черепичные крыши города. Абидос стоял на скалистом выступе, который далеко выдавался в море. Город словно вышел встречать идущий к нему флот.

---

¹ *Ахейцы* — одно из эллинских племен.

² *Мирмидоны* — эллинское племя в Фессалии.

В Абидосе их ждали. Ждали македонские воины оставленного здесь гарнизона. Ждали и жители Абидоса. Город, основанный милетянами, вынужден был платить дань персам. Македоняне прогнали персов из Абидоса. И теперь, встречая Александра, город шумел ликованием. На берегу собралась нарядная толпа. Старейшины города стояли с золотыми венками в руках, чтобы почтить высшей почестью Эллады македонского царя.

Александр направил триеру немного западнее Абидоса, туда, где, по преданию, Агамемнон вытащил на песок свой черный корабль. И как только изогнутый нос триеры зарылся в белой пене прибоя, Александр схватил свое копье и с силой метнул на берег. Копье вонзилось в землю и стояло, дрожа древком.

— Боги вручают мне Азию! — крикнул Александр. И первым соскочил на азиатский берег.

Азия!